

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 39(571.54)+346.231

DOI <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.31.17>

Оловские хамниганы в XIX в.: этнический состав и расселение

Б. З. Нанзатов, М. М. Содномпилова*

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Данная статья продолжает цикл работ, посвященных изучению этнического состава бурятских и хамниганских ведомств XIX в. Одним из органов самоуправления инородцев Забайкальской области в XIX в. была Урульгинская степная дума. Основу ее населения составляли тунгусы маньчжурского племени, как их характеризовала русская администрация. Отмечается, что одной из управ этой думы была Оловская инородная управа, которая представляет особый интерес с точки зрения этнического состава его населения и его происхождения. Указывается, что в формировании этнического состава региона приняли участие разные группы конных и оленных тунгусов и разные группы монгольского населения, включая хинганских монголов, дауров и бурят. Обнаруживаются и более древние контакты тунгусов с юкагирами.

Ключевые слова: хамниган, нерчинские тунгусы, эвенки, монгольские народы, буряты, этногенез, этноним, картирование.

Для цитирования: Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Оловские хамниганы в XIX в.: этнический состав и расселение // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 31. С. 17–30. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.31.17>

Olov Khamnigans in the 19th Century: Ethnic Composition and Allocation

B. Z. Nanzatov, M. M. Sodnompilova*

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. This article continues the series of the works devoted to the study of the ethnic composition of the Buryat and Khamnigan departments of the 19th century. One of the self-government bodies of indigenous of the Transbaikal in the 19th century was the Urulginskaya Steppe Duma, the main population of which was the Tungus of the Manchu tribe, as they were characterized by the Russian administration. One of the boards of this Duma was the Olovskaya indigenous Council. The department is of particular interest in terms of the ethnic composition of its population and its origin. The ethnic composition of the Urulga Steppe Duma revealed the extensive contacts of the Upper Amur – Shilka population with the vast area of the Transbaikal-Amur subregion, including the territories of Inner Asia, North Asia and Amur region. Different groups of horse and deer Tungus, on the one hand, and various groups of the Mongolian population, including the Khingan Mongols, Daurians and Buryats, on the other hand, took part in its formation. Also more ancient contacts of the Tungus with the Yukagirs were found. The composition of the Urulga Steppe Duma initially included five indigenous authorities. One of them was the Olovskaya indigenous Authority (Uprava). The Khitan, and subsequently Daurian population, which came into close contact with both the Tungus-Manchu tribes and the Bargy-Buryat groups of the population, created a special layer of the population – Khamnigan people. However, in Russian documents the entire population of the Urulga Steppe Duma, a part of which also was the Olovskaya indigenous Authority (Uprava) recorded as Tungus. The ethnic composition of the Olov Khamnigans shows that the population of the upper Amur – Shilka, has incorporated various ethnic elements not only from the Middle Ages, but also from antiquity. The article suggested the authors' vision of origin of ethnonyms of the population of authority and their development. A number of ethnonyms such as Duligar, Bayagir, Kylteger discovers the presence of the Tungusic and Mongolic strata in the face of Khamnigan-Mongols, Daurians, Buryats. The Mongolic stratum is also represented by the bearers of the ethnonym Üzön, which has analogies in eastern and central Mongolia, among the Selenga Buryats and among the Kipchak tribe, which is part of the Kazakhs of Middle Juz. A detailed map of the settlement of the Olov Khamnigans was compiled, based on the census tables.

Keywords: Khamnigan, Nerchinsk Tungus, Evenks, Mongolian peoples, Buryats, ethnogenesis, ethnonym, mapping.

For citation: Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Olov Khamnigans in the 19th Century: Ethnic Composition and Allocation. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2020, Vol. 31, pp. 17–30. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.31.17> (in Russ.)

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.

For complete information about the authors, see the last page of the article.

Введение

В долинах рек Нерча, Хила, Олов, Куэнга, являющихся притоками р. Шилка, были расселены племена тунгусо-маньчжурского и монгольского происхождения, известные как оловские хамниганы, являвшиеся одной из ключевых групп нерчинских хамниган. В XIX в. это население было объединено в Оловскую инородную управу Урульгинской степной думы. Как сказано в официальной документации XIX в., основу населения Урульгинской степной думы составляли «тунгусы маньчжурского племени» [Нанзатов, 2012, с. 101], также за этой группой закрепилось название «конные тунгусы» [Долгих, 1960, с. 337].

В XVII в. к приходу русских на землях оловских хамниган располагались улусы Лавкая, Шилгиня и Гильдеги – улусы трех братьев, принадлежащих одному даурскому роду [Огородников, 1927, с. 12–13]. В долине р. Шилки, напротив впадения в нее р. Нерчи, был построен в 1653 г. Шилкинский острог, уничтоженный в 1656 г. Гантимуром. Впоследствии, в 1657 г., в долине Нерчи острог был восстановлен и стал известен как Нерчинский [Артемьев, 1993, с. 46–62]. Все местное население, подчиняющееся Гантимуру, после перехода из-под власти маньчжурского императора под власть московских царей стало платить ясак в Нерчинский острог, отсюда возникло наименование «нерчинские тунгусы», заменившее такие наименования местного населения как «дауры», «тунгусы-нелюды», «лелюли», «нелюли», «намясинцы», «таргачины» и др. [Огородников, 1927, с. 12–13; Долгих, 1960, с. 581].

Реформы М. М. Сперанского подразумевали создать для бурятского населения особые органы самоуправления – степные думы. Они создавались практически на всех бурятских территориях, в том числе и на восточной окраине была создана Урульгинская степная дума для Гантимуровых конных тунгусов. В XIX в. она делилась на пять инородных управ [Нанзатов, 2012]. Территория Оловской инородной управы представляла собой северовосточную окраину Урульгинской степной думы. Ее земли ближе всего располагались к Нерчинску, огибая его с запада на восток по северной стороне. Ближайшими к ней были земли Урульгинской и Улдургинской инородных управ, располагавшихся западнее ее. Соседними с юга и юго-востока были Шундуинская и Маньковская управы [см.: Нанзатов, 2018а, 2018б]. На юго-западе находилась Агинская степная дума [см.: Нанзатов, Содномпилова, 2017]. Русская колонизация долины Ингоды и ее северных притоков Нерчи, Куэнги, Курлыча привели к тому, что тунгусское население этой управы оказалось разорванным на несколько анклавов, крупнейший из которых располагался в притоках Нерчи, в долинах рек Хила, Дарасун, Торга, Оля (рис.). По описанию М. А. Сафьянникова, все селения Оловской управы разбросаны между селениями Оловской волости и поселками Торгинской, Курлыченской, Копунской и Сретенской станиц или вблизи г. Нерчинска [Сафьянников, 1898, с. 34]. Кроме того, к ведомству Оловской управы также относились небольшие анклавы в долинах Куренги и Газимура, где также были расселены представители Маньковской управы [Патканов, 1906, с. 133–134; Патканов, 1912, с. 566–568; Нанзатов, 2016, с. 202–205].

Среди административных родов, составленных по племенному принципу, крупнейшим был I Дулигарский – 1632 чел. Далее, Узонов – 776 чел., Кылыгырский – 620 чел., II Баягирский – 431 чел., Почегорский – 82 чел., I Баягирский – 56 чел. Среди тех, кто не указал принадлежность к административному роду, было 252 чел.

Кроме тунгусов (хамниган) к управе было также приписано небольшое количество ороочонов. Лакшекагиры (орочоны) были расселены в д. Цагакшиной (4 чел.) и в с. Зюльзикан (19 чел.). Тулуягиры (орочоны) были расселены в с. Зюльзикан (14 чел.), и по 1 чел. в улусе Кыкер и д. Улей. Бультегеры (орочоны) – в с. Зюльзикан (9 чел.) и в улусе Кыкер (3 чел.) [Патканов, 1912, с. 579].

К 1897 г. практически все население управы говорило на русском языке – 7034 чел., 6 чел. указали основными языками тунгусский и русский, 6 – тунгусский, 9 – бурятский и 1 чел. – якутский [Патканов, 1912, с. 660–662]. Таким образом, ситуация, в которой управа была окружена плотным массивом русских поселений и г. Нерчинска, отразилась на языковой ассимиляции оловского хамниганского населения. Однако исследования С. М. Широкогорова во втором десятилетии XX в. позволяют отметить сохранение родного языка представителями нерчинских тунгусов, ставшими его информантами [См.: Shirokogoroff, 1929; Широкогоров, 2017].

Значительное число населения управы было крещено. Из крещеного населения были образованы отдельные сельские общества, которые в 1870 г. вошли в состав Оловской управы, а впоследствии были приравнены к административным родам – Мальцевскому, Нионовскому и Сухановскому [Уварова, 2005, с. 55–56]. Христианизация также сыграла важную роль в русификации хамниган.

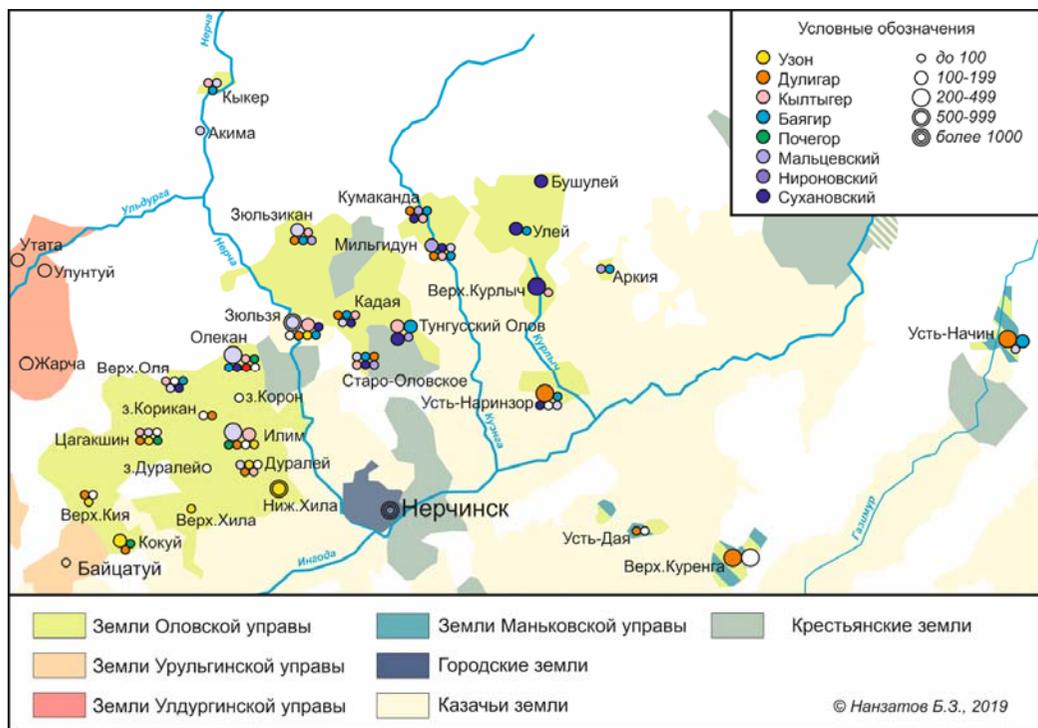

Рис. Оловская управа: этнический состав (1897 г.)

В 1829 г. в ведомстве Оловской инородной управы состояло пять административных родов (табл. 1).

Таблица 1

Оловская инородная управа (население, 1828 г.) [ГАЗК. Ф. 55. Оп. 1. Д. 36. Л. 30–31]

Административный род	Число душ
Перво-Дулигатский	377
Второ-Баягирский	204
Келтегирский	74
Почегорский	239
Узонский	82
Итого	976

По сравнению с переписью 1829 г., число административных родов в 1897 г. увеличилось за счет сельских крещеных обществ Мальцевского, Нироновского и Сухановского, приравненных к административным родам, а также отдельно стал отмечаться I Баягирский административный род. Значительно сократилось число *почегоров*, по-видимому, перешедших в число крещеного населения (табл. 2).

Некрещеной частью населения, помнившей о племенной принадлежности, все еще продолжали руководить родовые управления, являвшиеся частью Оловской инородной управы. В связи с этим актуальным является рассмотрение этнического состава Оловской инородной управы в свете исследований этнической истории региона и поиска этнических связей племен, составивших административные роды указанной управы.

Таблица 2

Оловская инородная управа (население, 1897 г.) [Патканов, 1912, с. 566–568, 660–662]

№ п/п	Населенный пункт	Административные роды												
		Хозяиств	Население	I Дулгар	Узон	I Баятир	II Баятир	Кылтгер	Почтор	Машцев-ский	Ниронов-ский	Сухановский	Без рода	
1	Верхняя Хиля, улус (р. Хиля)	7	42	–	41	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	Дуралей, улус (р. Дуралей)	11	91	3	27	–	–	3	–	35	–	–	–	9
3	Нижняя Хиля, дер. + улус (р. Хиля)	75	560	–	510	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4	Илим, село (р. Торга)	122	757	12	2	–	–	146	25	462	–	–	–	8
5	Корекан, заимка	15	66	4	–	–	–	–	–	9	–	–	–	35
6	Корон, заимка	4	13	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	11
7	Дуралей, заимка	2	8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	7
8	Усть-Родионова, дер. (р. Родионова)	23	139	17	–	–	19	–	–	–	–	–	–	49
9	Олекан, село (р. Оле)	90	560	9	–	13	–	64	36	302	–	12	2	2
10	Городская, заимка	5	22	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	21
11	Оля, заимка	2	7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	7
12	Цагакшина, дер. (р. Цагакшин)	27	173	11	10	–	–	62	8	33	–	–	–	19
13	Верхняя Оля, улус (р. Оля)	20	119	33	–	15	–	–	–	13	–	6	–	33
14	Усть-Начин, село (р. Газимур) VIII-21	46	299	266	–	–	–	–	–	15	–	–	–	–
15	Верхне-Куренская, дер. (р. Куренга) VIII-23	44	267	267	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
16	Усть-Дани, улус (р. Куренга)	15	72	71	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
17	Усть-Наринзор (Истомна), дер. (р. Курльга)	95	592	397	–	–	50	–	–	8	–	24	–	13
18	Аркиинское, село (р. Мал. Курльгыч)	8	56	–	–	–	13	–	–	–	–	–	–	–
19	Верхне-Курльгиченское, село (р. Курльгыч)	72	411	51	–	–	–	–	–	–	–	351	–	–
20	Тунгусский Олов, село (р. Гунг. Олов)	62	425	145	–	–	123	–	–	24	–	110	–	–
21	Старо-Оловское, село	43	254	38	–	28	64	20	–	82	3	4	–	–
22	Карягинская, заимка	18	87	3	–	–	–	–	–	–	–	13	–	9
23	Кадая, дер. (р. Олов)	37	217	74	–	–	71	31	–	13	–	15	–	–
24	Акима, улус (р. Нерча)	4	21	–	–	–	–	–	–	21	–	–	–	–

№ п/п	Населенный пункт	Административные роды							Сухановский	Без рода		
		Хозяйств	Население	1 Дулгитар	Узон	1 Баятир	II Баятир	Кылгетер			Почетор	Малыцевский
25	Кыкер, улус (р. Нерча)	19	134	—	—	12	82	—	33	—	—	—
26	Зюльзикан, село (р. Нерча)	41	350	23	—	19	93	—	120	17	—	—
27	Зюльзя, село (р. Нерча)	173	1162	8	2	2	101	—	835	—	21	9
28	Верхняя Кия, дер. (р. Кия)	24	163	65	12	—	—	—	—	—	—	22
29	Кокуй, дер. (р. Кия)	31	206	6	167	—	—	13	—	—	—	—
30	Дарьина, заимка	1	8	—	5	—	—	—	—	—	—	—
31	Кумаканда, дер. (р. Куенга)	22	119	52	—	14	9	—	—	22	14	—
32	Мильгидун, дер. (р. Куенга)	53	324	9	—	5	9	—	43	139	48	—
33	Улей, дер. (р. Алеур)	31	177	—	—	39	—	—	—	—	101	—
34	Бушулей (Сухановское), село (р. Алеур)	26	158	—	—	—	—	—	—	—	153	—
Итого		1268	7056	1632	776	56	620	82	2089	224	872	252

Этнический состав

Изучение этнического состава населения Оловской инородной управы остается актуальной темой ввиду сложности интерпретации этнонимов и, соответственно, исходной этнической принадлежности ее носителей. Привязка группы этнонимов к конным тунгусам – солонам – не исключает возможности принадлежности этих групп как к тунгусам, так и к даурам. Под вопросом остается происхождение *кылтегеров* (*келтелеров*). Неоднозначным является происхождение монгольского этнонима «узон», носители которого составили второй по численности административный род.

Следует исключить из исследовательского поля такие наименования родов, как Мальцевский, Нироновский и Сухановский. Как уже было сказано выше, названия этих родов произошли от одноименных крещеных сельских обществ, в свою очередь, названных по фамилиям православных священников, крестивших значительную часть населения этой управы. В связи с этим необходимо отметить, что попытка привязать название «Нироновский» с раннемонгольской общностью *нирун* – несостоятельна [Очир, 2016, с. 122].

Дулигар/дулигат. По мнению В. А. Туголукова, этноним «дулигар» приобрел с середины XVIII в. монголизированную форму с суффиксами *-гар* и *-гат*. Прежде этот этноним был известен как «дуликагир» [Туголуков, 1975, с. 102]. С этим утверждением можно частично согласиться, а именно в плане монголизации этнонима. Однако грамматически суффиксы указаны неверно. Наиболее прозрачной монголизированной формой видится *дулигат/дулигад/дулигаад*, где *-д* отражает множественное число. Необходимо также отметить, что указанный этноним был записан Ю. Янхуненом как *duligat / duligaad* [Janhunen, 1996, p. 119; Janhunen, 2005, p. 17]. Что касается предположительно промежуточной формы этнонима «дулигар» (*dulikagir ~ duliga(ar) ~ duligaad*), то она, возможно, отражает процесс развития от этнонима на *-гир* [Василевич, 1958, с. 751], через *-гар* к *-гаад*.

Этноним «дулигар», в отличие от другой его формы «дулигат», по всей видимости, сохранил солонскую форму, что, вероятно, указывает на исходную тунгусоязычность его носителей в прошлом. Некоторая удаленность от праформы *дуликагир*, также встречаемой в Урульгинской степной думе, наводит на мысль о влиянии монгольских языков на носителей этого этнонима на продолжительном отрезке истории, предшествующем появлению русских в даурских степях долины Шилки. Однако в начале XIX в. в Оловской же управе он использовался как *дулигатский* [ГАЗК. Ф. 55. Оп. 1. Д. 36. Л. 30–31]. Форма *дулигат* очевидно указывает на монголоязычность какой-то части его носителей.

Примечательно, что в собранных образцах народной этимологии по отношению к тунгусским этнонимам этноним «дулигат/дулигар/дуликагир» отсутствует, но есть близкий ему фонетически *dulugir*, по мнению носителей языка, происходящий от слова *dulu* – «люлька из древесины тополя», имеющего хождение только у хинганских тунгусов – солонгов [Широкогоров, 2017, с. 226]. Как обратил внимание С. М. Широкогоров, если слова отсутствуют в другом диалекте, то по возможности подбираются слова, похожие на этноним [Там же]. Обнаруженный в словаре Г. М. Василевич глагол *дули-ми* «утихнуть (о ветре); успокоиться, усмирить» [Василевич, 1958, с. 124–125], присутствующий в непском и ербогаченском диалектах, вряд ли может являться глагольной основой этнонима. Таким образом, даже в народной этимологии, за исключением версии хинганских тунгусов, объяснений этнонима на *dulu-* ~ *duli-* обнаружено не было, что оставляет вопрос о происхождении корнеосновы этнонима, а соответственно, и принадлежности первых носителей этнонима открытым.

Баягир/баягит. В основе разделения баягиров на два административных рода, по видимому, лежит разделение их на два улуса в XVII в. – улус князя Дыдоки и Жектонов улус. После принятия подданства России баягиры улуса князя Дыдоки оказались разделенными на две группы, первая платила ясак в Нерчинском остроге, вторая – в Телембинском остроге. В XVII – начале XVIII в. территория преимущественного расселения баяги-

ров включала район Нерчинска, к югу от Шилки, а также земли по рекам Куренге, Газимуру и Унде. Часть баягиров была расселена на землях дуликагиров, по рекам Куенге и Алеуру. Охотничьи угодья баягиры делили с дуликагирами в верховьях Олекмы и Тунгира [Долгих, 1960, с. 337–339]. Однако к XIX в. под давлением русской колонизации значительная часть баягиров откочевала на юг в долину Улюрунгуя. Там они были представлены двумя административными родами в составе Маньковской управы, составляя до 30 % от всего тунгусского населения управы [Патканов, 1906, с. 136].

Также необходимо указать, что баягиры/баягиты были представлены в составе дауров, а также хинганских, мергенских и бирарченских тунгусов [Широкогоров, 2017, с. 229]. Народная этимология этого этнонима представлена в говоре хинганских тунгусов от *байан* «хороший, совершенный, богатый» [Широкогоров, 2017, с. 226–227]. Также С. М. Широкогоров обнаружил спорные сведения о принадлежности этого рода либо к даурам, либо к тунгусам. Так, баягиров в составе мергенской группы тунгусы-кумарчены считают присоединившимися даурами [Там же, с. 220].

Также на Хингане этноним «баягир/баягит» у солонов был отмечен О. Прицаком [Pritsak, 1952, s. 82]. В основе этнонима общее тюрко-монгольское *бая(н)* «богатый» и тунгусо-маньчжурский суффикс *-гир*, обозначающий принадлежность к роду [Pritsak, 1952, p. 82; Василевич, 1958, с. 751]. Этнонимы с этим корнем широко распространены среди тюрко-монгольских народов баяд/баяуд/баяндай/баяндур. Вполне вероятно связь со средневековым этнонимом *баярку/байырку*, носители которого расселялись в среднем течении Селенги и на восток. По нашему мнению, оказавшись в среде маньчжуров, дагуров и солонов, носители могли сменить окончание, усиливающее значение *-ырку*, на созвучное тунгусо-маньчжурское *-гир*, более престижное в регионе пребывания. Форма *баягит*, скорее всего, обусловлена влиянием соседних монгольских языков, а заменой финального *-р* на *-д* – окончание множественного числа монгольских языков.

Кылтагер/калтагат. С. М. Широкогоров считал этноним *калтагир/кэлтегер/кулдугир* одним из «старых» тунгусских этнонимов, широко распространившихся в бассейне Амура. Так, им отмечены варианты этого этнонима в среде хинганских, мергенских тунгусов, оленеводов Маньчжурии, среди тунгусов Удского района, а также среди дауров. Например, у хинганских тунгусов этноним был зафиксирован как *калтагир/кулдугир/колдагир*, среди мергенских тунгусов – *калтагир*. Среди тунгусов-олeneводоов Маньчжурии калтагиры были расселены в пределах р. Албазиха, южнее Амура и Быстрой. Из их среды выделились два новых рода – булдути и солоуон [Широкогоров, 2017, с. 217–229].

В сводке Г. М. Василевич этноним имеет следующие формы: *калтагир, калтагат* – в XVII в. в районе Аругнского острога и по р. Нергат, в XIX–XX вв. по рекам Албазиха, Быстрая, Бухта; *калтакул* – в XVII в. по рекам Вилюй, Варка; *келтакут, келтят, келраку* – в XVII в. по р. Вилюй, в XVIII в. по рекам Алдан и Уд, в XIX в. по рекам Вилюй и Лена; *колто, колтоёт, култу, колтагир* – в XVIII в. в Забайкалье, в XIX в. по р. Селенга, в XX в. по рекам Гилюй, Зeya, Сутам, Мерген, Ган, Быстрая, Албазин и в Забайкалье [Василевич, 1958, с. 579; 1969, с. 270–271]. Также этноним «*kaltagir*» был зафиксирован в составе бутхасских дауров [U. -Köhalmi, 1981, s. 265].

Наличие в эвенкийском языке, а точнее в некоторых диалектах, слова *кэлтэкэ* – «одноглазый, кривой, хромой, односторонний», по мнению Г. М. Василевич, имеет либо монгольские, либо якутские корни [Василевич, 1958, с. 228]. Учитывая высокий процент монголизмов в описательной лексике якутского языка [Убрятова, 1960], допускаем, что данный термин также имеет монгольские корни. В якутском языке преобладают значения «неодинаковый, разный; односторонний, ограниченный, имеющий изъян; обиженный судьбой, несчастный» [Якутско-русский ... , 1972, с. 218]. Вероятно, что в большинство указанных диалектов (баргузинский, алданский, учурско-зейский, урмийский, чумиканский, сахалинский) действительно попал якутизированный монголизм. Значение «односторонний», вполне вероятно, попало в эвенкийский язык напрямую из монгольского.

В «Хамниганско-русском словаре» слово «кэлтэгъ» имеет значения «наклонный, покатый, пологий; покосившийся, кривой, косой» [Дамдинов, Сундуева, 2015, с. 192]. Параллели имеются и в бурятском языке: *хэлтэгэр* «покосившийся, наклонный; кособокий, кривобокий» [Черемисов, 1973, с. 643], в монгольском языке: *хэлтгий* (монг. *keltegei*) – 1. 1) «покривившийся набок, покосившийся, кривой, косой»; 1. 2) «односторонний (в судебном деле); однокосый, половинчатый»; 2) «криво, боком»; 3. 1) «уклон»; 3. 2) «обломок, осколок» [Большой академический ... , 2001, с. 210]. Наиболее ранним письменным упоминанием термина является его использование в “*Mongγol-un niγuša tobčiyān*” («Сокровенное сказание монголов»): *Keltegei qada* «вблизи /реки/» *Qalqa* [Cleaves, 1982, p. 246, 256; Rachewiltz, 2004, p. 1216, 1221, 1300].

Таким образом, касательно формы этнонима, закрепившегося у оловских хамниган, допустимо предположение о его монгольском происхождении от топонима (горы *Keltegei qada*), вблизи которого сформировалась какая-то территориальная группа, в основу наименования которой легло название местности, где она проживала. С другой стороны, широкое распространение близких фонетически этнонимов (*калтагир*, *калтагат*, *калтакул*, *колто*, *колтоёт*, *колтогир*, *келтят*) поддерживает версию о тунгусском происхождении и трансформации фонетического облика этнонима под влиянием монгольских языков.

Почегор/почаган/пууцагат. Г. М. Василевич этноним был зафиксирован в формах *Пбчаган/Пбчегор* (*Pōčagan/Pōčegor*) [1958, с. 583]. Б. О. Долгих также связывал *почегор* с *почаган/почегон/пучеган* в русских документах [1960, с. 484–487]. В XVII в. почегоры были расселены значительно шире. Почегоры были представлены конными и оленными группами: нерчинские конные почегоры платили ясак в Нерчинске, жили по р. Нерче. Помимо нерчинских, были зафиксированы конные почегоры, платившие ясак в Телембинском остроге, оленные почегоры, платившие ясак в Акиминское зимовье, а также конные и оленные почегоры, платившие ясак в Еравнинском остроге. На небольшом отрезке времени в 80-х гг. XVII в. почегоры отмечались в Баргузинском присуде. Носители этнонима «почаган/почеган/пучеган» в XVII в. жили севернее в верховьях Чары и Токко, на р. Кутомаре (Сюльбан); на р. Чаре также назывались «почегор» [Там же, с. 481, 485, 488]. По сведениям И. И. Майнова, в XIX в. Почегорский род стал называться Хахагинским [1898, с. 170, 190]. Как справедливо отметил Б. О. Долгих, *хачегар* – это позднее изменение названия *почегор* [1960, с. 488, прим. 542].

Однако к XIX в. почегоры были преимущественно расселены по Нерче, Зюльзе, Зюльзикану и другим северным притокам Шилки.

В 1828 г. в Оловской управе Почегорский административный род был вторым по численности (см. табл. 1). Однако к 1897 г. этот род утратил большую часть населения, оказавшегося преимущественно в составе Мальцевского административного рода (прежнего Мальцевского общества оседлых тунгусов), образованного на почегорских землях в селах Зюльзя, Зюльзикан, Илим, Олекан.

По этнографическим данным, среди ононских хамниган был зафиксирован этноним «пууцагат» («пууцагат») [Дамдинов, 1962, с. 174]. Также обнаруживаются следы телембинских почегоров, ставших известными как *пуусагат хамниган* в составе Шарайтского административного рода. *Пууцагат/пуусагат* представляют собой монголизированные формы этнонима «почегор» [Цыдендамбаев, 1981, с. 73–74].

В отличие от этнонимов «дулигар», «баягир», «кылтегер» параллелей среди приамурских и хинганских тунгусов не обнаружено. Вероятно, этноним принадлежал группе, кочевавшей от Шилки до Баргузина, не переходивших на восточный берег Аргуни. Вероятно, почегоры не являются выходцами с берегов Нонни, в отличие от групп, известных как дулигар, баягир и кылтегер среди оловских хамниган.

Вопрос происхождения этнонима трудноразрешим ввиду неясной корнеосновы. Как для тунгусо-маньчжурских, так и для монгольских и тюркских языков наличие инициального глухого губно-губного взрывного *n-* (*p-*) нехарактерно [Цинциус, 1949, с. 148–149]. В данном случае можно допустить, что этноним мог принадлежать группе населения, не

принадлежащей к алтайской языковой семье. Впоследствии эта группа оказалась под сильным влиянием тунгусского населения и была ассимилирована ими. Вероятно, предки носителей этнонима «почегор» (тунг.) > «пууцагат» (хамн.) > «пуусагат» (бур.) говорили на одном из урало-юкагирских языков, либо палеоазиатских языков, либо на каком-то вымершем языке. Наиболее вероятной предковой группой могут оказаться предшественники тунгусов – юкагиры, продвигавшиеся на север с юга, возможно, из Забайкалья [подробнее см.: Лебединцев, 2010].

Обращаясь к юкагирско-русскому словарю, прежде всего обращаем внимание на широкое употребление *n-* (*p-*) в инициальной позиции. В качестве гипотезы допускаем, что в основу этнонима легло юкагирское слово *пэтчэ* «легкая небольшая ездовая нарта», а точнее производное от него *пэтчигииз мооинишаа* «искусный гонщик на оленях», букв. «вожжи-умело-держатель» [Курилов, 2001, с. 412], соответственно *пэтчигииз* – «гонщик на оленях», букв. «вожжи-держатель». Можно предположить, что в дальнейшем к корню прибавлялись эвенкийские суффиксы либо *-гин/-ган/-гон*, либо *-гир/-гар/-гор* [Василевич, 1946, с. 35–36]. В дальнейшем этот вопрос заслуживает специального внимания лингвистов.

Узон/Үзөн. Как отмечал Б. О. Долгих, в XVII в. неоднократно упоминаются онкоты, в состав которых входили оджен (узон) и улят. Важным также является указание на то, что «тунгусами они не назывались» [Долгих, 1960, с. 347–348]. В первой половине XIX в. В. Паршиной были опубликованы материалы, собранные среди нерчинских тунгусов, в том числе о судьбе бурят-онкотов. По зафиксированному ею преданиям, русские казаки и тунгусы под управлением Гантимура расправились над большей частью онкотов после их восстания в XVII в. против русских вблизи Нерчинска [Паршина, 1844, с. 135–136]. По современным этнографическим данным, часть узонов на Ононе известна как *онход-узон*. В их памяти также сохранилось движение на Онон из-под Нерчинска [ПМА].

Несмотря на события XVII в., в конце XIX в. вторым по численности в Оловской управе был Узонов административный род. Основным местом расселения была долина р. Хила, притока Нерчи. Нижняя Хила – один из крупнейших оловских населенных пунктов – была целиком представлена узонами (см. табл. 2). Узоны, расселенные в Кужертаевской и Онгоцонской управах Урульгинской степной думы, ведут свое происхождение от монгольских узонов, расселившихся в долине Хилы.

По-видимому, ареал кочевий племени узон (монг. *үзөн/üzön*, письм. монг. *üjön*) включал территории от Нерчи на севере до Керулена и Халхин-Гола на юге. В XX в. на востоке Монголии узоны были расселены на территориях Дорнодского, Хэнтэйского и Сухэ-Баторского аймаков [Ринчен, 1979, к. 55]. Следует также упомянуть селенгинских узонцов, также составлявших отдельный административный род в составе Селенгинской степной думы, ведущих свое происхождение от узонов, пришедших с территории Тушету-хановского аймака [см.: Поппе, 1936; Вампилов, 2011, с. 113], т. е. с Центральной Монголии. Это также подтверждается наличием представителей этого племени в долине Орхона на территории Булганского аймака Монголии [Ринчен, 1979, к. 55].

Параллели этого этнонима обнаруживаются и в тюркской среде. Среди казахов обнаруживается этноним *Үзүн (Üzün)* в составе кипчаков Среднего жуза [Аристов, 1896, с. 367; Народы Средней Азии ... , 1963, с. 325]. Следует отметить, что более широко представленный в составе этнонимов в среде казахов, киргизов и туркмен *узун/узын* от *узип* – «длинный, долгий» не имеет связи с исследуемым нами этнонимом [Лезина, Суперанская, 1994, с. 399; Древнетюркский словарь, 1969, с. 620]. Имеющиеся источники пока не позволяют определить, являются ли узоны тюрками среди монголов, либо монголами среди тюрков.

Еще одним примечательным фактом является связь между этнонимами «үзөн (üzön)» и «үжээд (üjeed / уджээт / уджиет)» в народном восприятии монголов. Несмотря на близость расселения узонов в Восточной Монголии, а на Хингане уджээтов, считаем подобные выводы преждевременными. О происхождении уджиетов говорится в сочинении «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана: «У Хутула-хагана было три сына – Джочи, Кэрмихү и Ал-

тан. /От них/ произошел род ўджэгэт». Как обратила внимание Н. П. Шастина, за исключением фразы о происхождении рода ўджэгэт, остальной текст полностью копирует «Тайную историю монголов» [Лубсан Данзан, 1973, с. 61, 312, комм. 91]. В цинском источнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи» об учиятах (уджиетах) говорится, что они несли службу на карауле Фуной, располагавшемся вдоль рек Нун и Уер [Daiçing ... , 2013, q. 1200]. Очевидно, оба встреченных написания *ūjēged* и *ūjiyed* отражают долгий гласный *-ē* во втором слоге. Возможно, русские записи XVII в., упоминающие род оджен, отражают промежуточную стадию развития этнонима от *ūjēn* к *ūzōn*. Однако, данный вопрос также заслуживает специального внимания лингвистов.

Обсуждение и выводы

Этнический состав этнотерриториальной группы оловских хамниган представляет большой интерес в связи с исследованием этнической истории Забайкалья, Верхнего Приамурья. Обнаружены контакты населения Верхнего Амура – Шилки с обширным ареалом, включающим среднее Приамурье, долинами Нонни, Мэргэна, Гана, Витима, Чары. Чередование этнонимов, таких как *дулигар/дулигат*, *баягир/баягит*, *кылтагегер/колтагир/калтагат/кельтят/келтакут/келраку* указывает на присутствие как тунгусского пласта (*нелюли/нелюди/лелюли/нелягирь*), так и монгольского пласта – в лице хамниган-монголов, дауров, бурят [о монгольском хамниганском см.: Дамдинов, 1968; Грунтов, 2005; U. -Köhalmi, 1959; Doerfer, 1985; Janhunen, 2005; об эвенкийском хамниганском см.: Janhunen, 1991].

Пример этнонима «пбчегор/пбчаган/пчегон/пучеган», возможно, отражает древние контакты юкагиров с тунгусами в исследуемом регионе. Дальнейшее развитие этого этнонима в среде монголоязычных хамниганов и бурят – *нууцагат/нуусагат*, в среде якутизированных тунгусов *хачеган>хахагин*, отражающее ассимиляцию в другой языковой среде, указывает на адаптивность носителей этого этнонима в регионах Забайкалья, Приамурья и Южной Якутии.

Монгольский пласт представлен носителями этнонима «ўзōн», имеющего аналогии в Восточной и Центральной Монголии, среди селенгинских бурят и казахов-кипчаков.

Таким образом, этнические процессы, проходившие в древности и средневековье, взаимосвязаны не только в контексте процессов Внутренней Азии, но и в рамках дальневосточных связей Хингано-Приамурского региона. Киданьское, а впоследствии даурское население, вошедшее в тесные контакты как с тунгусо-маньчжурскими племенами, так и с баргу-бурятскими группами населения, создало особый пласт населения – хамниганов. Однако в русских документах все население Урульгинской степной думы, частью которой была и Оловская управа, записано тунгусами. Следует учесть, что к тунгусам по русским документам XVII–XIX вв. относились разные группы населения, в том числе и дауры, составившие вместе с солонями костяк этой территориальной группы.

Исследования этнического состава оловских хамниган позволили выделить несколько разновременных пластов, принявших участие в этногенезе не только бурят, дауров и солон, но и соседних тунгусских и монгольских народов, что свидетельствует о неразрывной связи истории этого субрегиона как с Центральной Азией, так и с Северной Сибирью. Анализ тунгусо-маньчжурских этнонимов показывает слабую устойчивость носителей этих этнонимов к процессам ассимиляции со стороны более крупных этнических общностей, таких как монголы-хамниганы, буряты, дауры, якуты.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки России: проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9 (“The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China: history, culture, contemporary society”).

Источники

ГАЗК. Ф. 55. Оп. 1. Д. 36. Л. 30–31.

ПМА. Информант: Балмаева Д. Б., 1922 г. р., с. Узон, Дульдургинский р-н, Онход-Үзөн.

Список литературы

- Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // Живая Старина. СПб., 1896. Т. 6. Вып. 3–4. С. 277–456.
- Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток : ИИАЭНДВ ДВО РАН, 1993. 336 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001. Т. IV: X–Я. 501 с.
- Вампилов Н. Бишыхан (бичихан) запискэ / пер. Д. Доржиева // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 2011. С. 105–127.
- Василевич Г. М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // СЭ. 1946. № 4. С. 34–49.
- Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 802 с.
- Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л. : Наука, 1969. 304 с.
- Грунтов И. А. Хамниганский язык // Энциклопедия языков Российской Федерации и соседних государств. М., 2005. С. 293–301.
- Дамдинов Д. Г. К вопросу о происхождении ононских хамниган // Тр. Бурят. комплексного науч. -исслед. ин-та. Улан-Удэ, 1962. Вып. 10. Из истории народов Бурятии. С. 169–178.
- Дамдинов Д. Г. Этно-лингвистический очерк хамниганского говора // Тр. Бурят. ин-та общественных наук БФ СО АН СССР. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2: Исследование бурятских говоров. С. 74–116.
- Дамдинов Д. Г., Сундуева Е. В. Хамниганско-русский словарь. Иркутск : Отгиск, 2015. 364 с.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.
- Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин, И. В. Кормушин, Н. И. Летягина, Л. Ю. Тугушева. Л. : Наука, 1969. 676 с.
- Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2001. 608 с.
- Лебединцев А. И. Древние культуры Северо-Востока России и этногенез северо-восточных палеоазиатов // Народы Северо-Востока Сибири. Сер. Народы и культуры. М., 2010. С. 46–73.
- Лезина И. Н., Суперанская А. В. Словарь-справочник тюркских родо-племенных названий. М., 1994. Ч. II. С. 234–466.
- Лубсан Данзан. Алтан тобчи / пер., комм., прил. Н. П. Шастиной // Памятники письменности Востока. М. : Наука, 1973. Т. X. 440 с.
- Майнов И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края // Тр. Вост. -Сиб. Отделения Императ. Рус. географ. общ-ва. 1898. № 2. С. 214 с.
- Нанзатов Б. З. Урульгинский котел: взаимодействие дагуров, солонов, монголов, маньчжуров, бурят и эвенков на востоке Бурятии // Вест. Бурят. науч. центра СО РАН. 2012. № 3 (7). С. 99–108.
- Нанзатов Б. З. Забайкальские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 290 с.
- Нанзатов Б. З. Шундуинские хамниганы в XIX в.: этнический состав и расселение // Oriental Studies. 2018a. № 3. С. 54–60.
- Нанзатов Б. З. Улюрунгуийские и газимурские хамниганы в конце XIX в.: этнический состав и расселение // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Улан-Удэ, 2018b. Т. II. С. 202–205.
- Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Агинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение // Вест. Бурят. науч. центра СО РАН. 2017. № 2 (26). С. 28–35.
- Народы Средней Азии и Казахстана / ред. С. П. Толстов, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзон, Н. А. Кисляков. М. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. II. 780 с.
- Огородников В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII веке. Владивосток : Тип. ГДВУ, 1927. 93 с.
- Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста : КИГИ РАН, 2016. 304 с.
- Паршина В. Нерчинские тунгусы // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Ч. 5. С. 129–140.
- Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. СПб., 1906. Ч. I. Вып. 2: Тунгусы собственно. 287 с.
- Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб. : Типография «Ш. Буссель», 1912. Т. III: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. 708 с.
- Поппе Н. Н. Летописи селенгинских бурят // Тр. Ин-та востоковедения Академии наук СССР. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 1: Хроника Убаши Дамби Джаллан Ломбо Цэрэноа 1868 г. 55 с.
- Ринчен Б. Этнолингвистический атлас МНР. Улаанбаатар, 1979. 73 с. 244 карт.
- Сафьянников М. А. Материалы к устройству судебной части по делам инородцев Приамурского края. Инородцы Читинского округа // Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамур. отдела Императ. Рус. географ. общ-ва. М., 1898. Т. I. Вып. 1. С. 13–34.
- Туголуков В. А. Конные тунгусы (этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 78–110.
- Убрятова Е. И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М. : Восточная литература, 1960. 34 с.
- Уварова Т. Б. Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. М. : ИНИОН, 2005. 172 с.

- Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1949. 342 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Заметки об этнических и языковых контактах бурят и эвенков // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск, 1981. С. 70–91.
- Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1973. 804 с.
- Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов. М.: Наука; Восточная литература, 2017. 710 с.
- Якутско-русский словарь / под ред. П. А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972. 568 с.
- Cleaves F. W. *The Secret History of the Mongols*. Cambridge; London: Harvard University Press, 1982. Vol. I (Translation). Lxv. 277 p.
- Daičing ulus-un mongyol-un mayadqauli (Правдивые записи о монголах Цинской империи). Kūke-qota: öbürmongyol-un suryal kümüjil-ünkeblel-un qoriy-a, 2013. T. I. 1236 q.
- Doerfer G. *Das Khamniganische* // Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures. 1985. Vol. 17. S. 69–75.
- Janhunen J. *Material on Manchurian Khamnigan Evenki*. Helsinki: FUS, 1991. 120 p.
- Janhunen J. *Manchuria. An ethnic history*. Helsinki: FUS, 1996. 335 p.
- Janhunen J. *Khamnigan mongol*. Muenchen: Lincom-Europa, 2005. 62 p.
- Pritsak O. *Titulaturen und Stammesnamen der altäischen Völker* // Ural-Altäischen Jahrbuch. 1952. XXIV. P. 49–104.
- Rachewiltz I. de. *The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Leiden; Boston, 2004. Vol. I. 1347 p.
- Shirokogoroff S. M. *Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of this groups)*. Shanghai: The Commercial Press, 1929. 427 p.
- U.-Köhalmi K. *Der mongolisch-kamniganische Dialekt von Dadal Sum und die Frage der Mongolisierung der Tungusen in der Nord mongolei und Transbaikalien* // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1959. T. IX. S. 163–204.
- U.-Köhalmi K. *Daurien: Das Keimen und Absterben eines Nomaden reiches* // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1981. T. XXXV (2–3). S. 255–273.

References

- Aristov N. A. *Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemen i narodnostei i svedeniya ob ikh chislennosti* [Notes on the ethnic composition of Turkic tribes and nationalities]. *Zhivaya starina [Living Antiquity]*. 1896, Vol. 6, Is. 3–4, pp. 277–456. (In Russ.)
- Artemiev A. R. *Goroda i ostrogi Zabaikaliya i Priamuriya vo vtoroi polovine XVII – XVIII vv. [Cities and fortresses of Transbaikalia and Amur Region in the second half of the 17th – 18th centuries]*. Vladivostok, IHAEPFEFB RAS Publ., 1993, 336 p. (In Russ.)
- Cheremisov K. M. *Buryaad-orodtoli. Buryatsko-russkii slovar [Buryaad-orodtoli. Buryat-Russian dictionary]*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1973, 804 p. (In Buryat; in Russ.)
- Cleaves F. W. *The Secret History of the Mongols*. Cambridge, London, Harvard University Press, 1982, Vol. 1 (Translation), lxxv, 277 p.
- Daičing ulus-un mongyol-un mayadqauli [True records of the Mongols of the Qing Empire]. Kūke-qota, öbürmongyol-un suryal kümüjil-ünkeblel-un qoriy-a, 2013, Vol. 1, 1236 q. (In Mongol.)
- Damdinov D. G. *K voprosu o proiskhozhdenii ononskikh khamnigan [To the question of the origin of the Onon Khamnigans]*. *Trudy Buryatskogo kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta [The works of the Buryat Complex Scientific Research Institute]*. Ulan-Ude, 1962, Vyp. 10. Istorii narodov Buryatii [Vol. 10. From the history of the peoples of Buryatia], pp. 169–178. (In Russ.)
- Damdinov D. G. *Etno-lingvisticheskie ocherk khamniganskogo govora [Ethno-linguistic essay of the Khamnigan dialect]*. *Trudy Buryatskogo instituta obshchestvennykh nauk BF SO AN SSSR [Proceedings of the Buryat Institute of Social Sciences of the BF SB AS USSR]*. Ulan-Ude, 1968, Vyp. 2: Issledovanie buryatskikh govorov [Is. 2: Study of Buryat dialects], pp. 74–116. (In Russ.)
- Damdinov D. G., Sunduyeva E. V. *Khamnigansko-russkii slovar [Khamnigan-Russian Dictionary]*. Irkutsk, Otkritsk Publ., 2015, 364 p. (In Russ.)
- Doerfer G. *Das Khamniganische. Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures*. 1985, Vol. 17, S. 69–75. (In German.)
- Dolgikh B. O. *Rodovoi i plemnoi sostav narodov Sibiri v 17 veke [Clan and Tribal composition of the peoples of Siberia during the 17th century]*. Moscow, AS USSR Publ., 1960, 621 p. (In Russ.)
- Gruntov I. A. *Khamniganskii yazyk [Khamnigan language]*. *Entsiklopediya yazykov Rossiiskoi federatsii i sosednikh gosudarstv [Encyclopedia of languages of the Russian Federation and neighboring states]*. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 293–301. (In Russ.)
- Janhunen J. *Material on Manchurian Khamnigan Evenki*. Helsinki, FUS Publ., 1991, 120 p.
- Janhunen J. *Manchuria. An ethnic history*. Helsinki, FUS Publ., 1996, 335 p.
- Janhunen J. *Khamnigan mongol*. Muenchen, Lincom-Europa Publ., 2005, 62 p.
- Kurilov G. N. *Yukagirsko-russkii slovar [Yukagir-Russian dictionary]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001, 608 p. (In Russ.)
- Lebedintsev A. I. *Drevnie kultury Severo-Vostoka Rossii i etnogenez severo-vostochnykh paleoaziatov [Ancient cultures of the North-East of Russia and the ethnogenesis of the north-east Paleo-Asians]*. *Narody Severo-Vostoka Sibiri. Narody i kultury [Peoples of the North-East of Siberia. Peoples and cultures]*. Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 46–73. (In Russ.)
- Lezina I. N., Superanskaya A. V. *Slovar-spravochnik tyurkskikh rodo-plemennykh nazvanii [Guide-dictionary of Turkic tribal names]*. Moscow, 1994, Part II, pp. 234–466. (In Russ.)
- Mainov I. I. *Nekotorye dannye o tungusakh Yakutskogo kraja [Some data on the Tunguses of the Yakutsk Territory]*. *Trudy Vostochno-Sibirskogo otdeleni-*

- ya *Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Proceedings East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. 1898, Is. 2, 214 p. (In Russ.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M., Borovkova T. A., Dmitrieva L. V., Zyrin A. A., Kormushin I. V., Letyagina N. I., Tugusheva L. Yu. *Drevnetyurkskii slovar* [Old Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 676 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. *Urulginskii kotel: vzaimodeistvie dagurov, solonov, mongolov, manchzhurov, buryat i evenkov na vostoche Buryatii* [The Urulga Basin: the interaction of Dagurs, Solons, Mongols, Manchu, Buryats and Evenks in the east of Buryatia]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [Bulletin of the Buryat scientific center SB RAS]. 2012, Is. 3 (7), pp. 99–108. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. *Zabaikalskie buryaty v XIX veke: etnicheskii sostav i rasselenie* [Transbaikalian Buryats in the 19th century: ethnic composition and settlement]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2016, 290 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. *Shunduinskii khamnigany v XIX v.: etnicheskii sostav i rasselenie* [Shunduya Khamnigans in 19th Century: Ethnic Composition and Allocation]. *Oriental Studies*. 2018a, Is. 3, pp. 54–60. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. *Ulyurunguiskie i gazimurskie khamnigany v kontse XIX v.: etnicheskii sostav i rasselenie* [Ulyurungui and Gazimur Khamnigans in the end of 19th century: ethnic composition and settlement]. *Drevnie kultury Mongolii, Baikalskoi Sibiri i Severnogo Kitaya* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Ulan-Ude, 2018b, Vol. 2, pp. 202–205. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. *Aginskii buryaty v XIX v.: etnicheskii sostav i rasselenie* [The Aginsk Buryats in the 19th century: ethnic composition and settlement]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [Bulletin of the Buryat scientific center SB RAS]. 2017, Is. 2 (26), pp. 28–35. (In Russ.)
- Ochir A. *Mongolskie etnonimy: voprosy proiskhozhdeniya i etnicheskogo sostava mongolskikh narodov* [Mongolian ethnonyms: questions of the origin and ethnic composition of the Mongolian peoples]. Elista, KIGI RAS Publ., 2016, 304 p. (In Russ.)
- Ogorodnikov V. I. *Tuzemnoe i russkoe zemledelie na Amure v XVII veke* [Native and Russian agriculture on the Amur River in the 17th century]. Vladivostok, SFEU Publ., 1927, 93 p. (In Russ.)
- Parshina V. *Nerchinskii tungusy* [Nerchinsk Tunguses]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of internal Affairs]. 1844, Part 5, pp. 129–140. (In Russ.)
- Patkanov S. K. *Opyt geografii i statistiki tunguskikh plemen Sibiri na osnovanii dannykh perepisi naseleniya 1897 g. i drugikh istochnikov* [The experience of geography and statistics of the Tungus tribes of Siberia based on the census data of 1897 and other sources]. St. Petersburg, 1906, Vol. 1, Is. 2: Tungusy sobstvenno [The Tunguses], 175 p. (In Russ.)
- Patkanov S. K. *Statisticheskoe dannoe, pokazyvayushchie plemennoi sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannykh spetsialnoi razrabotki materiala perepisi 1897 g.)* [Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, language and kind of foreigners (on the basis of a special development of the material to the 1897 census)]. St. Petersburg, 1912, Vol. 3: Irkutskaya guberniya, Zabaikalskaya, Amurskaya, Yakutskaya, Primorskaya oblasti i ostrov Sakhalin [The Irkutsk region, Zabaykalsky, Amur, Sakha, Primorye region and Island of Sakhalin], pp. 434–999. (in Russ.)
- Poppe N. N. *Letopisi selenginskikh buryat* [Annals of the Selenga Buryats]. *Trudy Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1936, Vyp. 1: Khronika Ubashi Dambi Dzhaltsan Lombo Tserenova 1868 g. [Is. 1: Chronicle of Ubashi Dambi Dzhaltsan Lombo Tserenov, 1868], 55 p. (In Russ.)
- Pritsak O. *Titulaturen und Stammesnamen der altaischen Völker*. *Ural-Altischen Jahrbuch*. 1952, XXIV, pp. 49–104.
- Pyurbeev G. Ts. (ed.). *Bolshoi akademicheskii mongol-russkii slovar* [Large Academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, Academia, 2001, Vol. 1: Kh-Ya, 488 p. (In Russ.; in Mongol.)
- Rachewiltz I. de. *The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Leiden, Boston, 2004, Vol. 1, 1347 p.
- Rinchen B. *Etnolingvisticheskii atlas MNR* [Ethnic and linguistic Atlas of MPR]. Ulaanbaatar, 1979, 73 p, 244 maps. (In Russ.)
- Safyannikov M. A. *Materialy k ustroystvu sudebnoi chasti po delam inorodtsev Priamurskogo kraia. Inorodtsy Chitinskogo okruga* [Materials for the device of the judicial part in cases of foreigners of the Amur Territory. Foreigners of the Chita district]. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Troitskosavsko-Kyakhhtinsky branch of the Amur department of the Imperial Russian Geographical Society]. Moscow, 1898, Vol. 1, Is. 1, pp. 13–34. (In Russ.)
- Shastina N. P. (trans., comm., app.). *Lubsan Danzan. Altan tobchi. Pamyatniki pismennosti Vostoka* [Monuments of the written language of the Orient]. Moscow, Nauka Publ., 1973, Vol. 10, 440 p. (In Russ.)
- Shirokogoroff S. M. *Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of this groups)*. Shanghai, The Commercial Press, 1929, 427 p.
- Shirokogoroff S. M. *Sotsialnaya organizatsiya severnykh tungusov* [Social organization of the Northern Tungus]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaya literatura Publ., 2017, 710 p. (In Russ.)
- Sleptsov P. A. (ed.). *Yakutsko-russkii slovar* [Yakut-Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1972, 568 p. (In Yakut; in Russ.)
- Tolstov S. P., Zhdanko T. A., Abramzon S. M., Kislyakov N. A. (eds.). *Narody Srednei Azii i Kazakhstana* [The peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow, AS USSR Publ., 1963, Vol. 2, 780 p. (In Russ.)
- Tsintsius V. I. *Sravnitel'naya fonetika tungusomanchzhurskikh yazykov* [Comparative phonetics of the Tungus-Manchu languages]. Leningrad, Ministry of education of the RSFSR Publ., 1949, 342 p. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. *Zametki ob etnicheskikh i yazykovykh kontaktakh buryat i evenkov* [Notes on ethnic

- and linguistic contacts between Buryats and Evenks]. *Yazyki i folklor narodov Severa [Languages and Folklore of the Peoples of the North]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981, pp. 70–91. (In Russ.)
- Tugolukov V. A. Konnye tungusy (etnicheskaya istoriya i etnogenez) [Horse Tungus (ethnic history and ethnogenesis)]. *Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Severa [Ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the North]*. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 78–110. (In Russ.)
- U.-Köhalmi K. Der mongolisch-kamniganische Dialekt von Dadal Sum und die Frage der Mongolisierung der Tungusen in der Nordmongolei und Transbaikalien. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1959, Vol. 9, S. 163–204. (In German)
- U.-Köhalmi K. Daurien: Das Keimen und Absterben Eines Nomadenreiches. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1981, Vol. 35 (2–3), S. 255–273. (In German)
- Urbryatova E. I. *Yakutskiyazyk v ego otnoshenii k drugim tyurkskim yazykam, a takzhe k yazykam mongolskim i tunguso-manchzhurskim [The Yakut language in its relation to other Turkic languages, as well as to the Mongolian and Tungus-Manchurian languages]*. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1960, 34 p. (In Russ.)
- Uvarova T. B. *Nerchinskieveenki v XVIII–XX vekakh [Nerchinsk Evenks in the 18th – 20th centuries]*. Moscow, INION Publ., 2005, 172 p. (In Russ.)
- Vampilov N. Bishykhhan (bichikhan) zapiske [Bishykhhan (bichikhan) note]. *Buryatskie letopisi [Buryat annals]*. Ulan-Ude, 2011, pp. 105–127. (In Buryat)
- Vasilevich G. M. Drevneishie etnonimy Azii I nazvaniya evenkiiskikh rodov [The oldest ethnonyms of Asia and the names of the Evenki clans]. *Sovetskaya etnografia [Soviet Ethnography]*. 1946, Vol. 4, pp. 34–49. (In Russ.)
- Vasilevich G. M. *Evenkiisko-russkii slovar [Evenki-Russian dictionary]*. Moscow, State publishing house of foreign and national dictionaries, 1958, 802 p. (In Russ.; in Evenk.)
- Vasilevich G. M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskiocherki (XVIII – nachalo XX v.) [Evenki. Historical and ethnographic essays (the 18th – beginning of the 20th century)]*. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 304 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Нанзатов Баир Зориктоевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
e-mail: nanzatov@yandex. ru

Содномпилова Марина Михайловна

доктор исторических наук, доцент, кафедра этнологии и народной художественной культуры, Восточно-Сибирский государственный институт культуры; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
e-mail: sodnompilova@yandex. ru

Information about the authors

Nanzatov Bair Zoriktoevich

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; 6, Sakhyanova st, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation
e-mail: nanzatov@yandex. ru

Sodnompilova Marina Mikhailovna

Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Ethnology and Folkart Culture, East-Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkova st., Ulan-Ude, 670031, Russian Federation
e-mail: sodnompilova@yandex. ru